

УДК 316.462:316.662.4

ЗНАКОВО-СИМВОЛИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА ВЛАСТНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ*Д. В. Чайковский***SIGN AND SYMBOLICAL PROBLEMATICS OF THE POWER***D. V. Chaykovskiy*

В статье обосновывается возможность рассматривать социальную природу власти через ее знаково-символическое измерение. Анализируются различные знаковые проявления власти в контексте информационно-коммуникативной парадигмы. На основе анализа работ представителей семиотики освещается определение знака. Проводится классификация знаков власти в логике, предложенной Ч. Пирсом. Рассматриваются иконические, индексальные знаки власти, а также ее символы.

In article possibility to consider the social nature of the power through its sign and symbolical measurement is proved. Various sign displays of the power in a context of an information-communicative paradigm are analyzed. On the basis of the analysis of works of representatives of semiotics it is given sign definition. Classification of signs on the power, in the logic offered by Ch.S.Peirce is spent. Icons, indexes and symbolical signs on the power are considered.

Ключевые слова: власть, знак, иконический знак, индекс, символ, семиотика.

Keywords: power, sign, icons, indexes, symbols, semiotics, Peirce, Morris, Saussure.

Анализ реалий современного мира, в особенности его информационно-коммуникативной составляющей, акцентирует исследовательское внимание на вопросах, связанных с реализацией знаково-символического взаимодействия. Наш мир является знакоориентированным. Необъятный массив социального опыта закодирован в знаковых системах, выполняющих роль хранилищ социально значимой информации, и нуждается только в своевременном раскодировании. В знаковой форме представлены явления, процессы, теории, концепции. Как подчеркивал Чарльз У. Моррис, один из создателей знаковой теории, «человеческая цивилизация невозможна без знаков и знаковых систем, человеческий разум неотделим от функционирования знаков – а возможно, и вообще интеллект следует отождествить именно с функционированием знаков» [1, с. 37].

Для власти знаковость также является важнейшим свойством, придающим ей подлинную социальность. Ведь в чем заключается цель власти? Ответ очевиден – в подчинении. Но подчинение – это всегда подчинение чему-то: силе, авторитету, чину и т. д. Подчинение предполагает интерпретацию имеющегося различия (неравенства) и последствий отношений им порожденных (как негативных, так и позитивных). Как подчеркивает П. Бурдьё, даже «самые грубые отношения силы в то же время всегда являются символическими», а соответственно подчинение им – «когнитивными актами, которые в таком своем качестве приводят в действие когнитивные структуры, формы и категории перцепции, принципы видения и деления» [2]. Действительно, физическое принуждение, по сути, есть знак, имеющий внешнюю форму выражения – осуществляемое насилие, и несущий некий смысл (содержание) – возможность прекращения этого насилия при его верной, с точки зрения власти, интерпретации, т. е. подчинении. Собственно само понятие «власть» является знаком, обозначающим определенный вид социальных отношений. Этот момент был тонко

подмечен М. Фуко, писавшем, что власть это имя, которое дают сложной стратегической ситуации в данном обществе [3, с. 193].

Власть должна быть узнана и истолкована в качестве таковой. Признание власти есть предпосылка ее эффективной реализации. Для этого она вынуждена презентовать себя через совокупность своих атрибутов, выраженных, как правило, в знаково-символической форме. Власть именно презентует себя, то есть старается сделать свои знаки максимально заметными и понятными. Власть стремится к публичности. Код интерпретации ее знаков должен быть максимально открыт и понятен окружающим, чтобы окружающие тратили минимальные усилия на декодирование. Для того, чтобы распознать власть не требуется специального знания. Система интерпретации власти находится под контролем самой власти. Правильное толкование позволяет власти избежать необходимости принимать дополнительные меры по своему утверждению: предшествующий социальный опыт, реализующий интерпретацию власти в направлении возможных последствий, выполняет за власть всю «грязную» работу.

Знаки власти разнообразны. Внешними знаками власти являются чины и должности, научные степени и специальные звания. В качестве внешних знаков может выступать, например, одежда. Это остроумно отразил Г. Данелия в своем культовом фильме «Кин-дза-дза», связав социальную стратификацию с цветовой дифференциацией штанов. Власть может подчеркиваться специальными внешними знаками – инсигниями (корона, скипетр, меч и т. д.). В качестве знака власти можно воспринимать речь, походку, позы человека. Даже время и пространство в ряде случаев являются знаками власти: так, кабинет руководителя есть пространственная и временная дифференциация его власти от подчиненных.

Но, если внешние знаки могут быть присвоены субъектами, не обладающими властью, и соответ-

венно могут быть расширительно истолкованы не только во властной парадигме, то совокупность «внутренних» знаков, отражающих ее существо, является неотчуждаемой. Они однозначно интерпретируются как власть. Этот момент хорошо проиллюстрирован Гоголем в повести «Ревизор». Как получилось, что все, в том числе опытный городничий, который «мошенников над мошенниками обманывал», приняли Хлестакова за лицо, облеченное властью? Никакие внешние знаки не позволяли его истолковывать в качестве ревизора. Гоголь специально описывает его как незрелого, приглуповатого молодого человека, который «говорит и действует без всякого соображения».

Однако, вопреки всем этим атрибутам, Хлестаков занимает в умах жителей города статус ключевой фигуры, наделенной практически сверхъестественной властью: к министрам вхож, да во дворец каждый день ездит. За счет каких знаков он был проинтерпретирован как власть? Ответ мы найдем в характеристике Хлестакова данной Добчинским: «Он! И денег не платит, и не едет. Кому же быть, как не ему?».

Внимательный взгляд городского помещика выделил ключевой знак в образе Хлестакова. Знак, который, особенно в российской традиции, прочно ассоциирован с властью. Хлестаков позволяет себе поведение, которое не может быть присуще «обычному» человеку. Выходит за рамки общепринятого (не оплачивать оказанные услуги) может только тот, кто не боится наказания, т. е. лицо, наделенное властными полномочиями. Он ведет себя так, как обычный человек в обычных условиях себя вести не должен и не может. Он по-своему «попирает» нормы общепринятого поведения. Дальнейшая агрессивная (оправдательная) риторика Хлестакова только подтверждает «верность» выбранного направления толкования.

В. Прозоров, исследуя семантические горизонты понятия «власть», подчеркивает, что в русской духовной культуре власти с древности задана безусловная и беспредельная высота [4, с. 58]. Власть – это прежде всего Бог, Божья воля, Божья милость. Земная власть есть продолжение Божьей власти, поэтому в русском понимании она также наделяется признаками силы и необходимостью безусловного подчинения. Первая фраза повести, вызывающая страх у действующих лиц, изначально демонстрирует недостижимый уровень власти и обязанность ей подчиняться. Ревизор – это воплощение Божьей кары при земной жизни, именно поэтому только ему может быть присуща мощь выходить за общепризнанные рамки.

Итак, мы считаем справедливым рассматривать власть в информационно-коммуникативной парадигме через ее знаковое измерение. Но что есть знак? В гуманитарной мысли исследование знака осуществляется в плоскости такого научного направления, как семиотика. Семиотика как наука возникла относительно недавно, хотя сам термин «semiotic» был введен еще Дж. Локком. Отцами-основателями семиотики можно считать Фердинан-

да де Соссюра (1857 – 1913) и Чарлза С. Пирса (1839 – 1914). Несмотря на коренное отличие их воззрений каждый из них по-своему определил развитие семиотики на десятки лет вперед.

Так, Ф. Соссюр сформулировал основные принципы науки о знаках, которую он назвал «семиологией». С его точки зрения, данная наука была призвана объяснить, что есть знак, какова его сущность, каковы законы, управляющие знаками. Знак, с его точки зрения, есть неразрывное единство означающего и означаемого, терминологически противопоставляющих себя друг другу и знаку как целому. Существующий в конкретном обществе способ их ассоциирования основан на традициях, коллективной привычке либо на соглашении. Соответственно, означающее немотивированно, то есть произвольно по отношению к данному означаемому, с которым у него нет в действительности никакой естественной связи [5, с. 101].

Американский исследователь Ч. Пирс определял семиотику как учение о сущности и основных видах знакообозначения. Знак он определял «как всякое нечто, которое таким образом обусловлено другим нечто, называемым его Объектом, и так обуславливает некоторого рода воздействие на того или иного человека, каковое воздействие я называю его Интерпретантом, что последний оказывается обусловлен первым» [6, с. 307]. Знак является своего рода связующим звеном между объектом, который он обозначает, и интерпретантом, который он генерирует. Последний, в свою очередь, также может являться знаком. Как видно, в отличие от Ф. Соссюра, раскрывающего содержание знака в диадическом отношении «означающее – означаемое», Пирс подчеркивает его триадическую связь, установленную между знаком, его объектом и интерпретирующей его мыслью. Кроме того, если швейцарский ученый рассматривает знак в статическом единстве означающего и означаемого, то Пирс делает акцент на динамической природе знака, на непрерывном изменении его форм в процессах интерпретации. Этот момент подробно проанализирован в работе Н. А. Лукьяновой [7], строящей свою концепцию социокультурных изменений на совмещении статики (Соссюр) и динамики (Пирс) как способов существования знака, воспроизводящих его целостность в коммуникациях.

Последователь Пирса Чарльз У. Моррис в русле концепции бихевиоризма определяет знак как указатель на нечто (десигнат), посредством которого это нечто воспринимается кем-то (интерпретатором) и способствует возникновению определенного типа поведения (интерпретанты). Например собака, реагируя на определенный звук, начинает вести себя так же, как она ведет себя при охоте на бурундуков, путешественник, читая письмо с описанием местности, планирует, как правильно построить там свое поведение. Здесь знак (звук, описание) указывает на десигнат (бурундучья охота, географическая область) и провоцирует интерпретанту (поведение). Т. о. «в семиозисе нечто учитывает нечто другое опосредованно, то есть через посредство чего-то

третьего» [1, с. 40], т. е. знака. Знаки (знаковые средства), следовательно, есть посредники, благодаря которым десигнаты, как то, что учитывается, воспринимаются интерпретаторами через их интерпретацию этих знаков.

Бихевиористский подход Морриса подвергался неоднократной критике, но нам он кажется вполне применимым к исследованию семиотических проблем власти. Моррис подчеркивает, что учесть десигнат вследствие наличия знакового средства – значит реагировать на десигнат в силу реакции на знак [Там же, с. 41]. Это и имеет важнейшее значение с точки зрения бихевиоризма. Простая схема стимул (наличие знака, а следовательно, и десигната) – реакция (интерпретанта, а следовательно, и некое поведение) как нельзя четко отражает основную сущность власти. Так, в случае служебной иерархии субъект (интерпретатор) реагирует на должность Другого (знаковое средство), как атрибут власти (десигнат) определенным типом поведения – подчинением и выполнением его распоряжений (интерпретанта). При этом надо иметь в виду, что знак порождает соответствующую интерпретанту только в условиях определенного контекста. Вне этого контекста интерпретанта может либо вообще не возникнуть, либо быть принципиально иной. Должность интерпретируется как знак власти только в условиях организационной иерархии. Вне организационной структуры интерпретанта (подчинение) сформирована не будет. Кроме того, формирование интерпретанты имплицитно предполагает возможность узнавать десигнат (власть) за соответствующим знаковым средством. Интерпретатор должен обладать определенным социальным опытом, конструирующим в конкретных условиях конкретную интерпретанту.

В логике семиотического исследования можно провести некоторую классификацию знаков власти. Для целей нашего исследования остановимся на классификации знаков, предложенной Ч. Пирсом в 1867 г. Пирс подразделял знаки, исходя из их отношения к своим объектам, и выделял соответственно иконические знаки, индексальные знаки и символы.

В ранних работах Пирс видел действие иконического знака в фактическом подобии означаемого и означаемого [8, с. 104]. Например, рисунок есть иконический знак изображаемого объекта. Однако позже он трактует эту взаимосвязь несколько глубже. Иконический знак определен им как знак, обусловленный своим объектом, исходя из своей собственной внутренней природы [6, с. 292]. Им может являться настроение, возникшее в результате прослушивания музыкального произведения, репрезентирующее именно такой замысел его автора. Т. е. подобие в иконическом знаке есть «возможность». Он есть не что иное, как Абстракция, некая «предельная референция». В этом смысле портрет президента в кабинете есть подтверждение подобия власти чиновника и государственной власти. Иконический знак (портрет) как бы подтверждает легитимность отправляемой чиновником власти. Посредством него «делегируется» часть власти

президента конкретному уровню государственной службы, конкретной должности (которая, в свою очередь, также выступает в качестве иконического знака). Он есть декларация возможности иметь власть лицом, занимающим соответствующее место в бюрократической иерархии. Портрет деперсонализирует власть, переводя ее из личной сферы конкретного лица в сферу абстрактной государственной власти.

Индексальный знак предполагает реальную связь со своим объектом. В простейшем случае это фактическая, реально существующая смежность означаемого и означающего, например, дым выступает индексальным знаком огня, след на песке – знаком прошедшего человека [8, с. 104]. Именно индексальные знаки в наибольшей степени отражают сущность власти. Изменение поведения объекта, его подчинение есть знак того, что над ним осуществлена власть. С точки зрения самого объекта, воздействие интерпретируется как индекс власти в случае, если потенциально наличествуют негативные или позитивные последствия этого воздействия. Право власти награждать и наказывать, право отдавать приказы и требовать их исполнения есть наиболее понятные индексальные знаки власти.

Если иконический знак Пирс отождествляет с Абстрактным, то индексальный знак – с Конкретным. Здесь объект есть Событие, свершившийся Действительный факт или Существующая вещь. Поэтому индексальный знак власти запечатлевает действия и поступки ее субъектов, реализуя слова Христа из нагорной проповеди: «По плодам их узнаете их». Результаты властных свершений в форме конкретных дел власть стремится означить и использовать в качестве индексов, подтверждающих ее легитимность.

Наконец, Символ Пирс определяет как «знак, который обуславливается своим динамическим объектом только в том смысле, что первый будет интерпретирован в качестве символа» [6, с. 292]. Эта категория знаков власти наиболее многочисленна. Символами царской власти являются трон, корона, скипетр и держава. Символами власти государства герб, гимн, флаг. Символами чиновничества – кабинет, секретарь, служебный автомобиль с проблесковым маячком. Символами власти врача – белый халат и стетоскоп. Все символы власти стали таковыми в процессе социальной эволюции. Другими словами, символ будет воспринят в качестве знака, только если существует некое заранее известное условие, правило, предполагающее его трактовку в качестве такового. Этим условием может выступать соглашение, привычка. Оно может определяться естественным характером своего интерпретанта, либо областью его действия.

Соответственно сам Символ есть результат конвенции и договоренности. Она может быть как рациональной, основанной на логическом суждении, так и иррациональной, базирующейся на сакральных предпосылках. Причем второе часто не противоречит первому. Вспомним легенду о короле Артуре, изложенную Томасом Мэлори. Королем должен

был стать тот, кто вытащит меч из-под наковальни, появившейся вместе с камнем чудесным образом в Рождество во дворе лондонской церкви. Здесь меч – символ потенциальной власти, имеющий сакральную природу и интерпретирующийся в качестве такового благодаря тексту на камне. В свою очередь, акт извлечения меча – символ реальной власти, который интерпретируется уже абсолютно рационально. Легенда гласит, что Артуру пришлось неоднократно, в течение длительного времени, вновь и вновь извлекать меч, т. е. означивать этот символ, добиваться рациональной интерпретации сакрального и, как следствие, доказывать свое право на престол. Только спустя несколько месяцев, когда уже всем стала очевидна уникальность Артура, он был признан королем.

Высшей формой конвенции является закон, который, в свою очередь, также является символом власти. Наличие закона освобождает интерпретатора от необходимости излишней интерпретации. Закон жестко закрепляет связь между означающим и означаемым, лишая ее сосюрсовской произвольности: *dura Lex, sed Lex*. В этом плане символ, получивший свое законодательное закрепление, транслирует свое значение не только в настоящее, но и в будущее.

У Пирса символ есть Собирательный знак. Он означает некую совокупность «вещей», объединенных общим свойством. Соответственно сам символ тоже не отдельная «вещь», а совокупность, которую он обозначает. Это правило, получающее некое значение. Поэтому способ, в котором существует символ, отличается от способа существования других знаков. В одной из своих поздних работ Пирс пишет: «Бытие иконического знака принадлежит прошлому опыту. Он существует только как образ в памяти. Индекс существует в настоящем опыте. Бытие символа состоит в том реальном факте, что нечто определенно будет воспринято, если будут удовлетворены некоторые условия, а именно: если символ окажет влияние на мысль и поведение его интерпретатора» [8, с. 116]. Символ есть обобщение. Но обобщение не может быть полностью реализовано в настоящем. Оно есть проекция в будущее потенциально возможных интерпретаций.

В качестве заключения проиллюстрируем вышесказанное следующим пассажем. Власть принуждает (подчиняет) не сама по себе, а потому, что лю-

ди ей подчиняются (в силу существующего закона или конвенции (общественного договора)). Некое проявление власти есть применение этой конвенции к конкретному случаю, нередко путем передачи власти, делегирования ее принуждающих полномочий, третьим лицам, которые наделяются правом отправлять власть, в том числе и путем прямого насилия (карательные органы государства). Деятельность этих органов олицетворяет власть и отражает ее смысл в единичном событии, безотносительно к существующей конвенции. Иконический знак у Пирса репрезентирует некоторую вещь, которая может иметь, и иногда действительно имеет, место: власть – как потенциальная возможность применения насилия. Индексальный знак указывает на само Событие (единичная вещь или положение вещей), с которым мы в данный момент имеем дело: конкретное проявление власти-насилия карательным органом. Символ репрезентирует то, что может быть наблюдаемо при определенных общих условиях, в том числе и в будущем. Это власть как конвенция, как соглашение, наконец, как закон, дающий право карательным органам применять насилие.

Литература

1. Моррис, Ч. У. Основания теории знаков / Ч. У. Моррис // Семиотика. – М.: Радуга, 1983.
2. Бурдьё, П. Дух государства: генезис и структура бюрократического поля [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://bourdieu.name/content/burde-duh-gosudarstva-genezis-i-struktura-bjurokraticheskogo-polja>.
3. Фуко, М. Воля к знанию / М. Фуко // Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. – М.: Касталь, 1996.
4. Прозоров, В. О семантических горизонтах понятия «власть» / В. Прозоров // Логос. – 2003. – № 4 – 5(39).
5. Соссюр, Ф. Труды по языкознанию / Ф. Соссюр. – М.: Прогресс, 1977 г.
6. Пирс, Ч. Начала прагматизма / Ч. Пирс. – СПб.: Алетейя, 2000.
7. Лукьянова, Н. От знака к семиотическим конструктам коммуникативного пространства / Н. Лукьянова. – Томск: ТПУ, 2009.
8. Якобсон, Р. В поисках сущности языка / Р. Якобсон // Семиотика. – М.: Радуга, 1983.